

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

ДЖОН
АРДЕН

Тихая пристань

Перевод с английского
Инны Бернштейн

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Джон Арден

Тихая пристань

«ФТМ»

Арден Д.

Тихая пристань / Д. Арден — «ФТМ», — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Действие разворачивается в послевоенные годы в клинике «Тихая пристань». По сути, это своеобразный дом престарелых, где живёт несколько весьма эксцентричных пожилых людей. Руководит клиникой доктор Эхинокук. Главным трудом его жизни является разработка препарата, способного дать людям возможность переродиться вновь. И в один прекрасный день, после множества неудачных экспериментов, ему всё-таки удаётся создать такой препарат. Окольными путями пациентам клиники удаётся узнать, что их готовят к экспериментальному приёму этого препарата. И вдруг возникает вопрос, а так ли уж старики хотят переродиться?

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	13
Сцена третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Арден

Тихая пристань

Стихи в переводе С. Болотина и Т. Сикорской

Действующие лица

Доктор Эхинокук.

Миссис Летузель.

Миссис Гнилль.

Мистер Эльфик.

Мистер Горлопэн.

Мистер Киснет.

Браун, Джонс – медсестры.

Робинсон, Смит – санитары.

Сэр Фредерик Ловчили.

Мэр.

Супруга мэра.

Дама из министерства здравоохранения.

Действие первое

Сцена первая

Доктор Эхинокук появляется на верхней площадке сцены и обращается к зрителям.

Доктор (*откашлявшись*). Добрый вечер, леди и джентльмены. Прежде всего разрешите мне выразить радость по поводу того, что я вижу вас здесь, и приветствовать вас всех в нашей «Тихой пристани». Мы еще пока, как вы знаете, скромное заведение, и министерство здравоохранения, увы, не балует нас субсидиями, но не зря же говорят: лиха беда начало. Мне хотелось бы познакомить вас с нашими престарелыми подопечными. Понимаете, на закате жизни... впрочем, об этом позже, а пока только скажу, что наша клиника, предназначенная для облегчения участи престарелых граждан, расположена в приятной сельской местности. У нас тут целое хозяйство: яйца, масло и тому подобное – все свое, домашнее. До Лондона рукой подать, и что совсем прекрасно – у нас новейшее оборудование как для лечебных нужд, так и – что, с моей точки зрения, гораздо важнее – для целей исследовательских. Я – главный врач, моя фамилия Эхинокук. Здесь я уже пять лет и... ага, сестра Браун и сестра Джонс идут к больным. Ведите их сюда, мы готовы.

Входят медсестры и раздвигают занавес на нижней площадке сцены, открывая увлеченных пирушкой стариков.

Мы зовем их больными, но это – так, ничего страшного, они просто старые: жизнь, знаете, течет, силы вянут, закон природы, классическая картина, если посмотреть научно, а в таком заведении, как наше, каждый шаг нужно делать с научным подходом. Это как закон. Сегодня, скажу прямо, особенно удачный случай познакомиться с нашей почтенной пятеркой. Видите ли, у той вон старой дамы, которая в центре, день рождения, ей исполнилось девяносто лет, и у них, как полагается, небольшое торжество. Сестра, а где же пирог?

Медсестра Браун выходит.

Ну вот. Сейчас наша именинница нарежет пирог, и все будут ее поздравлять. Она у нас самая старая, ее зовут миссис Гнилль, она уже двадцать лет вдова.

Входит медсестра Браун с пирогом, ставит его перед миссис Гнилль и вкладывает ей в руку нож.

Так, пирог, нож – все на месте. Сейчас миссис Гнилль сама нарежет пирог. Пожалуйста – режет!

Миссис Гнилль разрезает пирог, медсестры и старики хлопают в ладоши.

Ну, а теперь они ее поздравят – все, как у людей.

Старики (поют).

С днем рожденья,
с днем рожденья,
с днем рожденья,
миссис Гнилль!

Медсестра Браун нарезает пирог кусками и раздает старикам.

Доктор. Пирушка в разгаре. Пока у них там дым коромыслом, я, пожалуй, коротенько сообщу вам имя, возраст и историю болезни каждого. (*Берет записи.*) С миссис Гнилль и начнем. В двух словах: общее состояние, для ее возраста, весьма обнадеживающее. Отмечается некоторое нарушение в работе конденсаторов, колосники для песка требуют периодической прочистки, но в целом процесс совершается нормально. Дальше. Номер вто-

рой. По правую руку от миссис Гниль сидит мистер Эльфик: семьдесят пять лет, холост, в отличной сохранности. Шесть лет назад произведена замена системы кулисного распределения Стефенсона усовершенствованными золотниковыми приводами Уолсхорта, а недавно поставлены новые форсунки. Скрытые производительные толчки вынуждают иногда спускать пар, хотя уже не так часто, как прежде. Следующий номер – три, слева от миссис Гниль вы видите нашу вторую пациентку, миссис Летузель. Возраст – семьдесят, все подвижные части в хорошем состоянии, балки перекрытий, пожалуй, чуть подгнили, при затрагивании корыстных интересов иногда горят подшипники. Общая картина болезни весьма удовлетворительна. Возле нее сидит мистер Горлопэн, номер четвертый, наш лучший эксплуатационный экземпляр. Первоклассная конструкция дымового короба и тяги обеспечивает надежную и бесперебойную работу котла. В будущем месяце ему стукнет восемьдесят восемь. И, наконец, крайний слева – мистер Киснет. Поступил как безнадежный случай полного износа, но год назад подвергся капитальному ремонту, включая удлинение топочной камеры, усовершенствование конструкции цилиндров и замену устаревших перфорированных разбрызгивателей. Возраст в настоящее время – семьдесят девять лет. Есть тенденция превышать потенциал мощности, но при условии, что с этим удастся справиться... прогноз, можно сказать, вполне благоприятный. Вот, пожалуй, все, что нужно знать для первого знакомства. Маленькое их торжество сейчас в самом разгаре, однако надо проследить, чтобы они не слишком разгулялись...

Старики (*поют*).

Попляшите, тетя Браун!
Жару дайте, тетя Браун!
Ножки выше,
ножки выше
задирайте, тетя Браун!

Доктор. Я думаю, настало время тактично вмешаться и прикрыть веселье: в их возрасте, знаете, резвость к добру не приводит.

Старики повторяют куплет.

Вон как! Пора. Сестра, я думаю, надо кончать. Спать, спать по кроваткам, ребята, вы и так полчаса перегуляли, прожигаете жизнь, вот что я вам скажу, а надо легче. Правильно я говорю? Ну, в постель, всех в постель, сестра. Спокойной ночи, ребята. Кто не кончил пирог, может доест в кровати. Вот так, молодцы.

Старики. Спокойной ночи, доктор.

Доктор. Спокойной ночи.

С кусками недоеденного пирога старики уходят за медсестрами.

Так, с этим покончено. Переходим к следующему, леди и джентльмены: моя лаборатория. Наверно, будет интересно, если я вкратце обрисую характер исследований, которыми я сейчас занят. Смит, Робинсон!

На сцену выходят санитары.

Будьте добры, подготовьте лабораторию.

Санитары скрываются за занавесом в глубине сцены.

Леди и джентльмены, одну минутку – я сейчас.

Доктор уходит; из-за занавеса санитары выкатывают на сцену лабораторный стол с оборудованием. Пока они его устанавливают, появляется доктор.

Доктор. Будем считать, что уже завтра. Обычное рабочее утро: пациенты еще только умываются перед завтраком, ни свет ни заря я уже на ногах. Моя работа... как бы понятнее выразиться?.. Это для меня, мой... не знаю... основной смысл, основная цель

работы в клинике. Мое исследование. Изобретение. Пять лет работы главным врачом. Если хотите литературных аналогий, то – пожалуйста: я современный доктор Фауст. Параллель, конечно, не полная: Фауст, если не ошибаюсь, продал душу дьяволу, а я своей не торгую. Но у меня-таки есть, леди и джентльмены, вернее, у меня будет эликсир жизни – ни больше ни меньше... Жизни! И молодости. Пока его нет. Но я близок, очень близок к цели, смею вас уверить. Быть может, сегодня утром я последний раз буду корпеть у лабораторного стола – рассчитывать, прикидывать, канителиться с опытами и формулами. Те пятеро стариков, которых мы с вами вчера отправили баиньки, будут моим материалом. Они еще этого не знают, но их дело маленькое. Если мои опыты увенчаются успехом и эликсир будет найден – «Эликсир Эхинокука», нет, лучше: «Эликсир «Тихой пристани» – дело важнее человека. Если все удастся, тогда эти пятеро окажутся не в конце жизненного пути, а в самом начале! Они как бы... как бы родятся заново! Какой нужно, такой возраст им и дадим. Каково? Каково!.. Но спокойнее, к делу: эксперимент, леди и джентльмены, отнюдь не завершен. *(Поворачивается к столу.)* Посмотрим, что у нас тут сегодня. Где записи?

Санитар Смит одну за другой передает ему тетради.

Тридцать вторая, тридцать третья, тридцать пятая «а» и тетрадь текущих записей. Так, благодарю. Опыт первый; два – восемьдесят шесть, четвертая стадия. Прошу внимания, я в особенности рекомендую вот эту установку: здесь, в сосуде, содержится раствор вчерашней работы, с показателями девять на три, на четыре с половиной гонта, предварительно напряженный, со свесом, обрешеткой и загрузкой. Раствор этот сейчас остыл... да, остыл, он уже двадцать два часа выдерживается. Я обозначаю это как вторичную или растяжимую стадию упреждения. Теперь я добавляю ноль целых три тридцать шестых градуса вот этого *(поднимает вторую колбу с жидкостью)*, что представляет собой пять восьмых тирады, три и три шестнадцатых части конгломерата и полторы части сграфитто. Полученный осадок затем будет подвергнут подогреву в течение трехсот двенадцати секунд, за время которого все тычки, ложки и проемы удаляются в процессе окисления, и тогда я... тогда, может быть, и... ну ладно, хватит тянуть время. *(Сливает жидкости.)* Горелку Бунзена, пожалуйста.

Санитар Робинсон зажигает горелку.

Прошу полной тишины. Процесс чрезвычайно тонкий, чрезвычайно напряженный. Благодарю. Перед подогревом я добавляю необходимые накатины и вяжущие части. Номер четыре.

Санитар Робинсон передает пробирку, доктор сливает ее в колбу.

Номер восемь. Двенадцать «Б». Восемнадцать. Восемнадцать! Где номер восемнадцать? Да скорей же, скорей! Робинсон, нужно всегда заранее... *(Суется, сливает пробирку в колбу.)* Так. Теперь таймер. Спасибо.

Санитар Смит передает ему секундомер с огромным циферблатом.

(Отсчитывает секунды, по секундомеру.) Триста двенадцать. Три десять. Три восемь. Шесть. Четыре, два, один. Триста.

Санитар Робинсон держит колбу над горелкой. Каждые десять секунд доктор вскидывает руку и тот убирает колбу из пламени, энергично взбалтывает ее, затем снова помещает над горелкой.

Греть нужно точно двадцать секунд, иначе произойдет коагуляция седимента. После первых ста секунд интервал сокращается до пяти секунд. Два девяносто четыре. Два девяносто два. Два девяносто. Два восемьдесят восемь!

Робинсон взбалтывает раствор.

Пока все идет правильно. Вроде бы все правильно. Самый ответственный момент... Два восемьдесят четыре. Два восемьдесят два. Двести восемьдесят...

Входит Киснет.

Киснет. Э-э, простите, доктор Эхинокук...

Доктор (*порывисто оборачивается в испуге*). Что такое? Вы что здесь делаете, а?

Киснет. Простите, если помешал, доктор, но я...

Доктор. Помешал? Вон отсюда, дрянь такая! (*Смотрит на колбу.*) О господи, свернулось! Все до капли свернулось. Можно вылить. Убирайте всё, всё убирайте, три недели работы собаке под хвост. Ладно. Пусть. Может, даже к лучшему. Как ты думаешь, любопытный... (*Спихватившись, овладевает собой.*) Э, что теперь говорить. Прошу прощения, леди и джентльмены, – боюсь, вы сильно разочарованы. Опять никакого успеха. Но он будет, и очень скоро. Как говорится, подальше положишь – поближе возьмешь. Кто не ошибался?

Санитары увозят стол и оборудование.

Все убрали, Смит? Прекрасно. На сегодня хватит. Завтра утром начнем с номера двенадцать восемьдесят один, вторая стадия. Запомнили? И скажите сестре, что я распорядился всем пациентам мужчинам поставить до вечера клизмы. Меня немного беспокоит их давление. Есть признаки угнетения... Вы свободны.

Санитары уходят.

Вы отлично знаете, мистер Киснет, что в лаборатории я не принимаю больных. Что вам понадобилось?

Киснет. От всей души прошу прощения, доктор, если я чем-то помешал... Разумеется, мы все отлично представляем себе важность вашей работы...

Доктор. Вот как? В клинике существуют определенные правила, и им надо подчиняться...

Киснет. Ну, конечно, доктор, конечно! Очень прошу меня извинить... но, понимаете, тут особый случай, деликатнейший, если позволите, вопрос...

Доктор. Почему же его нельзя было отложить на более удобное время? Есть определенные часы, когда больные приходят с жалобами на других. Уж вам ли этого не знать, мистер Киснет, – вы достаточно часто пользуетесь этой возможностью.

Киснет. Но в подобных делах, доктор, иной раз приходится, знаете ли, ну... жертвовать порядком ввиду конспирации... то есть, я хочу оказать, не нужно, чтобы меня здесь видели, а? Иначе, доктор, какая цена нашим беседам? В конце концов, ведь я же исключительно для блага клиники...

Доктор. Ну хорошо, хорошо. В чем же теперь проштрафилась миссис Летузель? Надеюсь, больше она ничего не присваивает? Я распорядился повесить замок на коробку для сбора в пользу жертв детского паралича. Там что, еще нет замка?

Киснет. Да нет, доктор, кажется, есть... но я сегодня не насчет миссис Летузель. Насчет мистера Горлопэна.

Доктор. А этот что?

Киснет. Понимаете, она все еще у него. Он с ней гуляет.

Доктор. В клинике?

Киснет. Не совсем... но...

Доктор. На территории?

Киснет. Если уж совсем откровенно, доктор, я не уверен...

Доктор. Мистер Киснет, я не вижу причин, почему мистеру Горлопэну не держать бультерьера или собаку любой другой породы – при условии, что соблюдается запрет проводить ее в клинику. Если вы не можете доказать, что этот запрет нарушается, то, пожалуйста, не отнимайте у меня время, оно мне дорого, понимаете? Больше ничего? Питанием они довольны? По-моему, в клинике слишком ворчат и брюзжат, а мне никто ничего не рассказывает... Такие вещи надо знать. Так что же?

Киснет. По-моему, миссис Гнильл норовит забраться иногда в кладовку, когда никто не видит. Миссис Летузель говорит, что у нее под матрацем спрятана банка клубничного варенья, но я думаю – это едва ли.

Доктор. Ну, банка варенья ей не повредит, хотя это может послужить дурным примером... Хорошо, мистер Киснет, на сегодня достаточно. Отправляйтесь завтракать.

Киснет. Доктор, но я еще хотел...

Доктор. Завтракать, завтракать, мистер Киснет. У меня еще куча дел...

Киснет. Вы спрашивали про миссис Летузель. Так вот, тут дело нечисто, доктор. Вы знаете, кто она? Кто такая эта старуха? Она... она – шпионка!

Доктор. Шпионка?

Киснет. Вот именно!

Доктор, эта старушонка –
просто жадная шпионка,
все высматривает ловко,
все выведывает тонко!

Она хочет пронюхать, доктор, насчет этого самого... *(Неопределенным жестом указывает вокруг и на занавес, где убрано лабораторное оборудование.)*

Доктор. Нельзя ли человеческим языком?

Киснет. Тсс! Я скажу вам на ухо. *(Шепчет.)* Она... хочет... узнать... над чем... вы... работаете!

Доктор. Возможно. Ну и что?

Киснет. Как «ну и что»? Мы, конечно, представляем себе важность вашей работы...

Доктор. Откуда?

Киснет. То есть как?

Доктор. Откуда вы знаете, что моя работа такая важная?

Киснет. Как же... Это, доктор, само собой. Я вот на днях говорю мистеру Эльфику: «Доктор Эхинокук, говорю я ему, это, что называется, светлая голова, мистер Эльфик. Подлинный ученый. А чем он занят у себя в лаборатории, говорю я ему, этого мы ни в жизнь не поймем, хоть двадцать лет будем думать. Где нам!» Вот и выходит, что это очень важная работа.

Доктор. Гм...

Киснет. Между нами, доктор...

Доктор. Вот что, мистер Киснет. Вы говорите уже целых десять минут и не сказали абсолютно ничего. А между тем вы сорвали мне опыт! Я хотел бы на длительный срок быть избавленным от вашего общества! *(Уходит.)*

Киснет. Эх, досада. Что называется, неприятный поворот. Но это еще ничего не значит, вот что я вам скажу. Ого! Конечно, нет. Случается и мне открыть этому доктору кое-какие примечательные истины. Можете не сомневаться, он мне цену знает. *(Поет.)*

Дни Джеймса Киснета к вечности близки,
и лишь один пылает в нем огонь:
хочу, чтоб извивались дураки,
когда я зажимаю их в ладонь!

Ой-ой! А это что? *(Замечает лежащий на полу лист бумаги, выпавший из тетради доктора во время замешательства с опытом. Подбирает его.)*

Доктор обронил свои... Э-эй, доктор! Доктор! Доктор, вы обронили свои... Не слышит. Далеко. Ну и отлично. *(С каждым словом голос его звучит тише, переходит на шепот.)* Только какая от этого польза – ума не приложу. Значки какие-то, расчеты, арифметика, алгебра всякая, расчерчено, зачеркнуто, чего эти врачи пишут – никогда не разобрать... «Оптимальный возраст и предварительно определенный минимум возрастного снижения... тридцать, сорок лет, пятьдесят...». Список какой-то... ого! «Летузель, Гнилль, Горлопэн, Эльфик»... гм, «Киснет». Не знаю, что это, только, наверно, гадость какая-нибудь. Но здесь их фамилии тоже, не только моя. Ну что ж. Береженого бог бережет. Бумажку спрячем.

Входит санитар Робинсон.

(Поспешно прячет бумагу в карман пиджака.) А, мистер Робинсон! Что-нибудь потеряли? Или забыли здесь? Нет-нет, я ничего не видел... но я посмотрю, посмотрю, ха-ха-ха!.. Всего наилучшего!

Санитар уходит.

Здесь опасно. Надо убираться. Пойду-ка поищу Летузель, посмотрю, что сегодня затевает старая перечница. Может, удастся чем-нибудь поживиться. Ха-ха-ха!.. Кто знает...

(Уходит, напевая.)

Хочу, чтоб извивались дураки,
когда я зажимаю их в ладонь!

Сцена вторая

Голос из репродуктора: «Мистер Эльфик, мистер Эльфик, вас просят в кабинет старшей сестры. Мистер Эльфик, пожалуйста, войдите в кабинет старшей сестры».
Появляется миссис Летузель, она катит инвалидное кресло, в котором сидит миссис Гниль.

Гниль. Нет, нет... Вовсе нет.

Летузель. Уверю вас, дорогая.

Гниль. Вы ошибаетесь.

Летузель. Выходит дороже.

Гниль. Нет.

Летузель. Право, гораздо дороже. К тому же индийский полезнее. В нем меньше танина.

Гниль. Как вы сказали?

Летузель. Я говорю, дорогая, в индийском чае мало танина. Китайский чай разъедает.

Гниль. Разъедает?

Летузель. Внутренности, дорогая. Он очень едкий.

Гниль. Да?... Я говорила с доктором Эхинокуком. Он сказал, что раз хочется – можно пить китайский. Он сам так сказал. Я люблю китайский чай.

Летузель. Но это гораздо дороже.

Гниль. Пусть.

Летузель. Хорошо, я позабочусь. На будущей неделе... кстати, дорогая, вас не затруднит поставить вот тут подпись? *(Вынимает бумагу и авторучку.)*

Гниль. Ах ты, господи... Ну, что там?

Летузель. Просто подпись, вот здесь. И все. Надо, чтобы ваши англо-абиссинские акции были как следует консолидированы.

Гниль. Были – что?

Летузель. Консолидированы, дорогая. Если мы намерены тратить на китайский чай, то надо обеспечить нашим капиталовложениям надежный уровень консолидации, верно? Подпишите вот здесь, дорогая.

Гниль *(вздыхая).* Да... да...

Летузель *(поет, обращаясь к публике).*

Она за век тыщонку накопила
не из нужды –
из жадности унылой.
А после смерти за казенный счет
ей узенькую выроют могилу!

(Прячет документ.) Вот так, дорогая... чудесно. С вечерней почтой отправим это вашему поверенному. Я и письмо для него заготовила. *(Показывает конверт.)* Будете читать? Речь идет о ваших квартальных отчислениях доктору Эхинокуку, он этим летом повысил плату, вы слышали?

Гниль. Неужели?... Вот горе, ведь это, конечно, из-за дорогого чая... Нет, нет, миссис Летузель, не хочу читать. Еще расстроюсь... Подписаться?

Летузель. Да, дорогая, если не трудно. Вот здесь.

Гниль *(со вздохом).* Да... да...

Летузель *(поет, как раньше).*

Она за век тыщонку накопила
не из нужды –
пить чай она любила.
Пусть после смерти за казенный счет
ей чайник мраморный поставят на могилу!

(Складывает письмо, кладет в конверт, но конверт не запечатывает.)

Гниль. Не знаете, мистер Эльфик навестит меня сегодня?

Летузель. Откуда же мне знать, дорогая? Обычно приходит, должно быть, и сегодня прибежит... Да, между прочим, вы забыли сделать взнос в фонд помощи жертвам детского паралича. Доктор Эхинокук настаивает, чтобы мы регулярно вносили деньги. *(Из складок одежды извлекает продолговатую коробочку с прорезью и протягивает ее миссис Гниль.)*
Полкроны, дорогая.

*Миссис Гниль долго роется в огромном ридикюле, находит монету.
(Пока делятся эти поиски, поет.)*

Она за век тыщонку накопила
не из нужды
и не для деток милых,
но пусть хоть грошик бросит в эту щель:
копилка все же лучше, чем могила!

Благодарю вас, дорогая. Устали? Вижу. Надо немного отдохнуть. Закроем глазки...
Вот так... *(Увозит ее.)*

Сцена третья

Входит мистер Эльфик.

Эльфик. Слава тебе господи, отделался на сегодня. Немного унизительно, это да, но увы, Эльфик, необходимо. Доктор Эхинокук утверждает, что нормальная работа кишечника – основа нормальной жизни. Даже в позднюю пору нашей жизни сердце может сладко встрепенуться – разве нет? – если оно не отягощено низкими материями. Скоро идти к миссис Гнилль, на чашечку чая. Понимаете, она чуть не каждый день снисходит до моего общества... чашка чая, булочка или пирожное, неумолимая беседа, нежная и почтительная, а если дама пожелает, то какая-нибудь игра, баловство, забава минут на двадцать. Домино, бирюльки, блошки. А сегодня... ха-ха... *(вынимает из-за пазухи маленькую мишень и стрелы)* сегодня мне разрешили это – и должен сказать, не сразу. Стрелы в больнице – пожалуй, это несколько рискованно. Но я сумел убедить. Я уверил доктора, что неплохо владею этим искусством и ничего не перебую. Миссис Гнилль не умеет метать стрелы. Но если я ее научу, она в известном смысле будет передо мной в долгу, а любящему сердцу это очень приятно. М-м? Повесим мишень. *(Вешает доску с мишенью на задник.)* Три попытки – посмотрим, сколько мы выйдем. *(Бросает три стрелы – все мимо мишени.)* Гм. Ну ничего, ничего. Главное – набить руку. Попробуем еще раз. *(Снова бросает, все три попадают в мишень, но с краю. Он быстро переставляет две ближе к центру.)* Вот та-ак. Значит, одна в яблочко, это двадцать очков... Ну, и эта, будем считать, пятерка. Можно лучше, но хоть не промазал. *(Обращаясь к воображаемой партнерше.)* Теперь ваша очередь, миссис Гнилль... Нет, нет, дорогая леди, держать надо вот так... Рука помощи... Осторожное прикосновение... Ах, боже мой, боже мой! Ровнее, держите ровнее! Отлично! Превосходно! В следующий раз все три будут на мишени. Отличный результат для новичка. Мы немного устали? Чаю? О, миссис Гнилль, вы так добры, дорогая леди... или мне можно называть вас по имени? В этот трепетный миг, Маргарет, я таю, я плачу, простите мою смелость, о прекрасная, нежная, такая незащищенная... любовь моя, цыпочка, деточка, богиня красоты... *(Под наплывом чувств падает на колени к ногам воображаемой возлюбленной.)*

Миссис Летузель вкатывает спящую миссис Гнилль в кресле.

Ах, боже мой! Как поживаете, дорогая леди... миссис Летузель... У меня шнурок порвался. Давно пора перейти на ботинки с резиновой союзкой, правда?

Летузель. Тсс! Она спит.

Эльфик. А-а...

Летузель. Можно поговорить с вами, мистер Эльфик? Пока она не проснулась? А то скоро запросит чаю.

Эльфик. Да, чаю...

Летузель. Как идет дело?

Эльфик. О чем вы?

Летузель. Да о ней. Как у вас с ней обстоит дело? Давайте сыграем в правду – мы уже не маленькие.

Правда или ложь, пока не умрешь.

Я тебя убью, если ты мне соврешь!

Ну, мистер Эльфик, признавайся, выкладывай начистоту, шалопай эдакий. Все вижу, как мучаешься. У меня бы поучился скрытничать. Кто следит, чтобы ей к чаю подавали две чашки? И пирожных или булочек на двоих? Кто тебе вместо матери, мистер Эльфик? Доктор Эхинокук или я? Все выкладывай, разбойник!

Эльфик. Вы меня совсем смутили, миссис Летузель. Я никак не предполагал, что по мне видно...

Летузель. Ну, нежное сердце нежному сердцу товарищ. Только... то есть, нет... впрочем, не знаю...

Эльфик. Чего не знаете?

Летузель. Ох, не знаю, может, я сглупила малость и чуть переборщила, вас жалеючи. Но ведь она вас съест.

Эльфик. Съест?

Летузель. Что было с мистером Гниллем?

Эльфик. С мистером Гниллем? Кажется, какие-то осложнения после аппендицита...

Летузель. Вот, вот. Но осложнения не всегда возникают сами по себе, верно?

Эльфик. Как вы говорите?

Летузель. Я ничего не говорю. Просто прикидываю. Вот вижу – вы. И она. Не всегда оно кстати, горячее и доверчивое-то сердце. Доверчивое сердце, птенчик необстрелянный.

Эльфик. Миссис Летузель, право, вы не должны так говорить. Все это инсинуации, дорогая, клевета, иначе, простите, не могу это назвать. Из уважения к миссис Гнилле я должен вас просить держать свои подозрения при себе, или хотя бы не высказывать их у миссис Гнилле за спиной, или – если на то пошло – заручиться доказательствами. Но так бросаться словами... так – здорово живешь – подрывать и жестоко чернить... нет, мадам, я решительно возражаю!

Миссис Гнилле просыпается.

Летузель. Тсс! Она проснулась.

Гнилле. Половина пятого.

Летузель. Нет, дорогая, еще только двадцать минут.

Гнилле. А?

Летузель. Двадцать минут! Только двадцать минут пятого.

Гнилле. Нет, половина. Я никогда не ошибаюсь. Когда ни проснусь, я совершенно точно знаю, который час. У вас, очевидно, часы отстали, милая. Да, да. На десять минут.

Эльфик. Вы совершенно правы, миссис Гнилле. Сейчас ровно половина пятого.

Гнилле. Как вы сказали? Простите, я не совсем хорошо слышу... Ах, это вы, мистер Эльфик! Приятный сюрприз. Рада видеть вас. Да, да, вы правы. Ровно половина. Дорогая миссис Летузель, когда вы будете уходить, не откажите в любезности попросить сестру принести чай. Надеюсь, вы составите мне компанию, мистер Эльфик? Две чашки, милая. Передайте сестре, чтобы подали две чашки. Да.

Миссис Летузель выходит.

Присаживайтесь рядом, мистер Эльфик.

Эльфик. Не поиграть ли нам, дорогая леди, перед чаем?

Гнилле. Как вы сказали?

Эльфик. Я сказал, не поиграть ли нам?

Гнилле. Ах, нет. Я сегодня не в настроении. Мне надоело домино. Доктор Эхинокук говорит, что постоянное сочетание черного и белого цвета может повредить глазам. Да.

Эльфик. Не в домино...

Гнилле. Нет, нет, не надо домино. Миссис Летузель, добрая душа, пришлет сестру, и та подаст чай.

Эльфик. Я думал, может, вы заинтересуетесь...

Гнилле. На этот раз я заказала не пирожные и не булочки, а томатные сэндвичи. Нельзя игнорировать количество поступающего в организм белка. Доктор Эхинокук, очевидно, не представляет, как мне вреден избыток крахмала в диете. Я говорила с ним об этом. Да, да. Дважды.

Эльфик. Может быть, заинтересуетесь метанием стрел?

Гнилле. Как вы сказали?

Эльфик. Метанием стрел! Вот доска с мишенью, висит и ждет нас с вами. Вот три стрелы, очень легкие, и бросать их легко. Я только покажу и...

Гниль. Нет, нет, домино сегодня не надо. Будем играть в классики.

Эльфик. В классики?

Гниль. Да, да. Понимаете, надо расчертить пол, а потом... мы ведь еще не в том возрасте, когда человек не может прыгать? Ну, и вот. Правильно? Доктор Эхинокук велит мне вставать с кресла, каждый день на полчаса. Дайте-ка мел.

Эльфик. Ме... мел? У меня где-то был кусочек...

Гниль. У меня самой есть. *(Вынимает из огромного ридикюля гигантский кусок мела.)* Чертите квадраты.

Эльфик. Я не совсем помню, как...

Гниль. Я помню. *(Спрыгивает с инвалидного кресла и показывает ему, где чертить квадраты, передвигаясь с удивительным проворством и все время опережая его.)* Один здесь.

Эльфик *(торопливо чертит).* Здесь?

Гниль. Потом два. Вот так.

Эльфик. Так?

Гниль. Да, так!

Эльфик. А-а. Вот так.

Гниль. Дальше три. Тут, тут и тут.

Эльфик. Вот тут...

Гниль. Еще три. Понимаете? Еще!

Эльфик. Да, да.

Гниль. Теперь два.

Эльфик *(задыхаясь).* Уфф! Два.

Гниль. И один. И еще один. И еще один вот здесь. Тут и тут. И вон там один.

Эльфик. Тут один. И тут. И тут... Вы первая?

Гниль. Нет, прыгайте вы первый.

Эльфик. А вы правда не хотите первой?..

Гниль. Давайте, давайте. Прыгайте!

Эльфик. А разве не нужен камешек... или жестянка, чтобы гонять по клеточкам ногой?

Гниль. А у вас что есть?

Эльфик *(вынимает спичечный коробок).* Вот.

Гниль. Не годится.

Эльфик *(вынимает футляр для очков).* А это?

Гниль. Нет.

Эльфик *(вынимает золотой портсигар).* Вот. Больше у меня ничего нет.

Гниль. Это подойдет.

Эльфик. Но, дорогая леди, это чистое золото и...

Гниль. Да, да. Очень красиво. Годится. Теперь прыгайте.

Эльфик *(с трудом скачет на одной ноге).* И раз. И два. И... *(Становится на обе ноги.)*

Гниль. Нет, нет, нет! Оступаться нельзя. Все время на одной ножке. Отдыхать только вон в том классике.

Эльфик. Ах, боже мой. Да, да... Ух!.. Ух!.. Господи! *(Падает.)* Боюсь, что я не совсем...

Гниль. Моя очередь! Правила строгие, имейте в виду. Отдых только вон в том крайнем классике. Ну, теперь я. *(Скачет.)* Раз!.. Два!.. Ах... Три! Домик. Здесь можно оступиться.

Эльфик. Нет, нельзя.

Гниль. Нет, можно. На второй раз можно. На второй кон у нас есть домики. Ведь вы первый раз скакали?

Эльфик. Да, но и вы первый раз.

Гниль. Да нет же! За игру-то ведь это второй кон. Ну, вот. *(Скачет дальше.)* Раз, два, три! Ах... Ух!.. Передышка. Да, да. И снова: раз, два, три! Здесь опять отдых. Ведь это уже второй кон. Ну-ка! Раз, два, три... *(Случайно задевает ногой портсигар и выбивает его за пределы классиков, быстро подбирает и кладет в последний квадрат.)* Все! Попала в масло! Я выиграла, выиграла, выиграла! Да, да! Я, я выиграла!

Эльфик. Вот и нет!

Гниль. Нет, выиграла!

Эльфик. Но вы же рукой положили. Подняли и положили. А надо было ногой подбить.

Гниль. Нет, нет! Ведь это второй кон, понимаете? Правила очень строгие.

Эльфик. Да-а? Ну, может быть. Правда, мне помнится как-то не совсем так, но...

Гниль. Будем теперь чай пить? Да, чай.

Входит медсестра Джонс и вносит поднос с чаем.

Вот и чай. Я так и думала, что сейчас принесут. Большое спасибо, сестра. Вы очень любезны.

Медсестра Джонс усаживает ее обратно в инвалидное кресло и уходит.

Я выиграла, значит – я мама. Вот. Поэтому, любезный мистер Эльфик, спойте мне, пожалуйста, что-нибудь, пока я буду разливать чай. Да, да. Будьте так любезны. Ту, грустную песню лучше всего.

Эльфик. Ах, пожалуйста, только не ее! Мне, право, не хотелось бы...

Гниль. Да, да. Ту, грустную. Ну, знаете, там начинается про отважного шкипера, который напрасно держит курс, а потом про китов. Вы ведь помните ее? Вот и спойте. Да. *(Расставляет чашки и начинает разливать чай.)*

Эльфик. Как вам будет угодно, дорогая леди. *(Поет.)*

Зря, капитан, средь бури грозной
по звездам ты держал штурвал:
кружится мир, кружатся звезды,
и ветер парус твой сорвал.

Хотел ты тщетно в даль всмотреться,
от соли слепнул, капитан,
волна тебе пробила сердце,
как гарпуны сердца китам!

Погибнет кит в кровавой пене,
а моряку лежать на дне,
где волны в бешеном кипенье
шумят в неведомой стране.

Свой путь моряк определяет,
на звезды должен он взглянуть,
а кит с дельфином твердо знают,
куда держать им надо путь.

(Сбивается.)

А человек пути не знает...

А кит с дельфином знают путь...

А кит с дельфином...

Неправда это! Не верю я. Я всегда говорил, миссис Гнилль, что любовь... я всегда верил, я и сейчас не могу не верить, вы должны признать, что я неизменно придерживался такого взгляда, пусть даже не зная настоящего опыта, ведь у меня – понимаете? – не было случая проверить... О, дорогая, дорогая миссис Гнилль, я никогда не убивал китов, я даже никогда не видел кита и не плывал на корабле, разве только на остров Уайт, к сестре... Но любовь... ведь, конечно же, любовь и есть та звезда, которая никогда не закатится, я твердо верю в это уже давно-давно... о, согласитесь, ведь это правда, ведь любовь и есть смысл и значение... о, скажите же, что она и есть цель и смысл... скажите это, скажите, молю вас!.. Что это? Миссис Гнилль, вы выпили весь чай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.